

УДК 903'1:903.013(571.54/.55)

В.И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА С БИФАСАМИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

По результатам исследования многослойного археологического местонахождения Барун-Алан-1 на востоке Западного Забайкалья была выделена индустрия в производстве каменных орудий, имеющая отличия от индустрий известных ранее местонахождений в регионе. Данная индустрия стала основой для выделения новой археологической культуры с наименованием «хэнгэрэктэ». При этом культура выделялась по материалам одного памятника. Вопрос о территориальном распространении культуры оставался открытым. Открытие в 2015 г. нового археологического местонахождения с палеолитическими материалами, типичными для индустрии хэнгэрэктэ, не решило проблему, поскольку оба местонахождения расположены в 500 м друг от друга. Принципиальное изменение взглядов на территориальный охват культуры хэнгэрэктэ стало возможным после сравнительного изучения материалов культуры хэнгэрэктэ и палеолитического местонахождения Сухотино-4, расположенного в 250 км восточнее Барун-Алана-1 (окраина г. Чита, запад Восточного Забайкалья). На основании этого исследования установлено, что материалы хэнгэрэктэ и Сухотино-4 имеют большое сходство, а по ряду параметров демонстрируют идентичность. Наиболее яркой чертой в двух индустриях было массовое производство бифасов как орудий. Исследования показали, что рассматриваемые индустрии развивались синхронно как минимум на протяжении сартанского похолодания. Исходя из общности рассмотренных индустрий, предлагаем рассматривать их в рамках одной культуры с наименованием «хэнгэрэктэ-сухотино».

Ключевые слова: верхний палеолит, каменная индустрия, археологическая культура, археологическое местонахождение, Западное Забайкалье, Восточное Забайкалье

DOI: 10.14258/tpai(2020)3(31).-10

Введение

В 2004 г. начались раскопочные работы на многослойном археологическом местонахождении Барун-Алан-1 (Западное Забайкалье), которое находится в долине небольшой речки Алан (бассейн Селенги), в 160 км по прямой на северо-восток от г. Улан-Удэ (рис. 1.-1). В ходе изучения памятника была вскрыта толща рыхлых отложений мощностью около 5 м, на всей глубине которой фиксируются каменные артефакты. Только в верхней части толщи, глубиной 20–40 см, вместе с каменными артефактами палеолита появляются находки бронзового и железного веков [Ташак, 2019]. Морфологический и технико-типологический анализы каменных артефактов дали основание для выделения как минимум двух различных линий развития палеолитических каменных индустрий. Одна из них связана с нижними стратиграфическими уровнями, это в первую очередь слой 7г и верхний уровень слоя 8. Для этой индустрии характерно сочетание призматических, подпризматических и торцовых нуклеусов для пластин с классическими леваллуазскими нуклеусами для отщепов, а также изделий на пластинах с изделиями на отщепе [Ташак, 2018а; 2018б]. Вторая индустрия первоначально выделена в подошве литологического слоя 6 и в кровле слоя 7 (уровень 7а). По современным данным следует связать с этой индустрией весь слой 7, но под вопросом остается культурная принадлежность уровня 7в. Для этой индустрии такой тип скола, как пластины, очень редок, здесь преобладают различные отщепы, в том числе удлиненные, полученные в параллельной

---

* Работа выполнена в рамках программы Фундаментальных научных исследований Российской академии наук «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», №0338-2016-0003.

системе расщепления. В орудийном наборе абсолютное большинство занимают изделия на отщепах. Наиболее яркий элемент индустрии – многочисленный набор орудий-бифасов [Ташак, 2011]. Своеобразие каменной индустрии из подошвы слоя 6 Барун-Алана-1 послужило основой для выделения в Западном Забайкалье самостоятельной палеолитической культуры, названной по названию горы – Хэнгэрэктэ [Ташак, 2010]. Долгое время другие памятники с подобной индустрией в Западном Забайкалье были не известны. По ряду признаков часть материалов многослойной стоянки Хэнгэр-Тын-3 также могла рассматриваться в рамках вновь выделенной индустрии [Ташак, 2005б]. В 2015 г. началось изучение еще одного местонахождения – Слоистая Скала [Ташак, 2019а] с палеолитическими материалами, типичными для индустрии слоя 6 Барун-Алана-1, но все эти местонахождения расположены у подножия одной горы, при максимальном удалении крайних точек 2,1 км, что никак не способствовало решению вопроса о территориальном распространении индустрии.

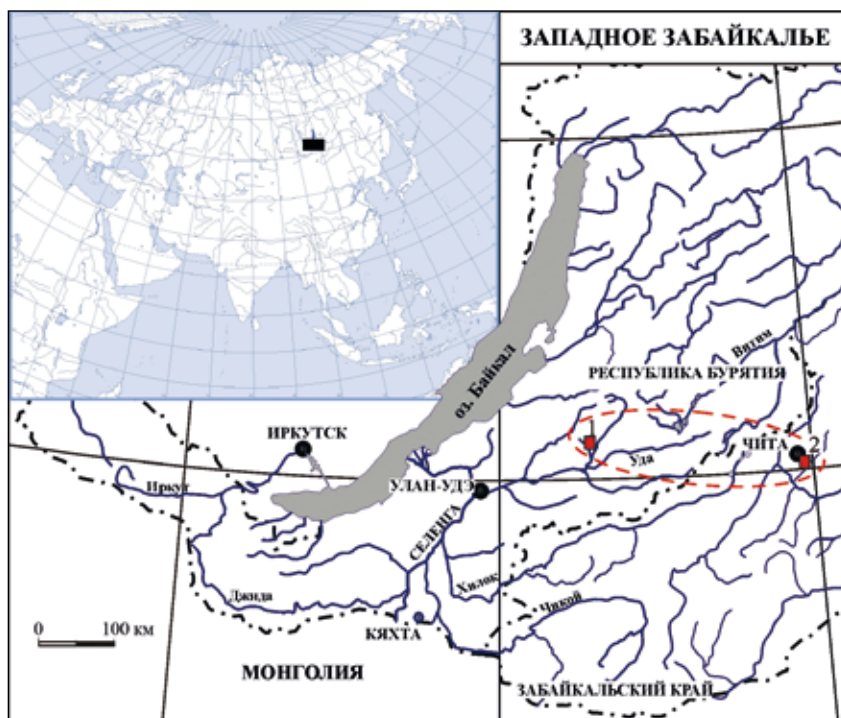

Рис. 1. Местоположение многослойных археологических местонахождений:
1 – Барун-Алан-1; 2 – Сухотино-4

В ходе изучения каменных материалов индустрии (культуры) хэнгэрэктэ было обращено внимание на присутствие похожих элементов в индустрии Сухотино-4 – многослойного палеолитического местонахождения на западе Восточного Забайкалья (рис. 1.-2), на южной окраине центральной части города Чита [Кириллов, 1973; 2003; Окладников, Кириллов, 1980]*.

* С момента открытия археологических местонахождений на Титовской сопке в середине 1960-х гг. названия самих местонахождений менялись, в том числе, местонахождения Сухотино-4. В настоящее время для данной группы археологических памятников принято наименование – Сухотино, при ударении на первый слог.

Вместе с тем многочисленные материалы Сухотино-4 до настоящего времени опубликованы крайне ограниченно, что не позволяло осуществлять надежные корреляции этих материалов с любыми другими. В декабре 2019 г. проводилось исследование артефактов Сухотино-4, стоит заметить, исследование далеко не исчерпывающее, но обозначившее четкие перспективы в области сопоставления индустрий Сухотино-4 и хэнгэрэктэ Барун-Алана-1. В данной статье впервые рассматриваются аспекты, объединяющие эти индустрии, что позволяет по-новому взглянуть на процессы культурогенеза в палеолите Забайкалья.

Материалы

Сравнение индустрий нижнего уровня 6-го слоя (далее НУС6) Барун-Алана-1 и Сухотино-4 проводилось по основным параметрам: первичное расщепление, способы изготовления и типы орудий. Характеристики материальной культуры Сухотино-4 основаны на опубликованных сведениях, диссертационных данных и материалах, полученных в ходе непосредственной работы с археологическими материалами этого местонахождения, хранящимися в фондах Забайкальского государственного университета (г. Чита). Поскольку индустрия НУС6 и кровли слоя 7 Барун-Алана-1 получила наименование хэнгэрэктэ, а позднее к этой индустрии были отнесены и материалы стоянки-мастерской Слоистая Скала [Ташак, 2019а], далее равнозначно будут фигурировать наименование хэнгэрэктэ и обозначение НУС6 при обращении к этой индустрии.

Каменная индустрия НУС6 Барун-Алана-1 с несколькими тысячами каменных находок характеризуется как отщеповая. Отщепы составляют от 87 до 92% всех артефактов (без учета чешуек и микроотщепов) в коллекциях разных раскопочных сезонов. Пластины и их фрагменты (без микропластин) составляют 0,7–1,1%, что наглядно демонстрирует превалирование отщепов. Большинство отщепов – это отходы первичного расщепления и оформления орудий, но и в составе пластин преобладают отходы. Анализ всех типов нуклеусов 6-го слоя показал превалирование здесь нуклеусов с плоским фронтом – 49 экз. На их фронтальной поверхности сохранились параллельные негативы от снятий удлиненных отщепов. Еще 33 нуклеуса представлены немногочисленными группами, среди которых наблюдаются ортогональные, веерообразные, подпризматические и пр.

Каменная индустрия Сухотино-4, исследование которой начато в 1972 г., насчитывает десятки тысяч каменных артефактов, но основная их часть никак не публиковалась. Некоторые данные о Сухотино-4 представлены в отдельных статьях и монографиях [Кириллов, 1973; 1980; 1986; 2003; Окладников, Кириллов, 1980; Черенщиков, 1985] при этом изложенные данные о каменных находках очень ограничены и по ним сложно судить об индустрии в целом. Наиболее полная информация о каменной индустрии Сухотино-4, приведенная в диссертации О.Ю. Черенщикова [1998], отражает данные о материалах только нижних культурных слоев (6–11) этого поселения, раскопывавшихся в основном в 1980-е гг.

Всего на поселении Сухотино-4 выделено 11 культурных слоев (культурный слой – термин, принятый исследователями памятника, далее – к.с.). Обобщенное и первичное рассмотрение части каменной индустрии верхних к.с. осуществлено в монографии [Окладников, Кириллов, 1980, с. 39–51], в которой приведены единичные статистические данные, судя по тексту, 1-го слоя. В статье А.К. Каспарова [1986], посвященной палеонтологической коллекции Сухотино-4, поясняется, что еще в 1979 г. археологи, изучающие памятник, слои 1–3 объединяли в один. В монографии указано процентное

(7,7%) содержание пластин по отношению ко всем (15 300) каменным артефактам слоя [Окладников, Кириллов, 1980, с. 45], но с учетом в этой группе микропластин и коротких, но широких отщепов, пропорциями напоминающих пластины. Именно такой подход к интерпретации артефактов был принят основным исследователем многослойного поселения, выделившим категорию «поперечных пластин» [Кириллов, 1984, с. 49]. В группе пластин и пластинок численно преобладают пластинки. Численную основу всех пластинчатых сколов составляют микропластины. Важнейшим элементом, объединяющим две индустрии, является наличие в них бифасиально обработанных орудий.

Обсуждение

Первичное расщепление двух индустрий в целом идентичное. Активно применялось скальвание с широких плоских поверхностей. При использовании кубовидных и многофронтальных нуклеусов с ортогональной системой скальвания характер расщепления принципиально оставался неизменным: скальвание велось с плоской поверхности. При наличии широкого фронта скальвания осуществлялось параллельное расщепление с одной ударной площадки (рис. 2.-1). В результате продуктами расщепления становились широкие пластинчатые отщепы или короткие пластины и широкие овальные или подпрямоугольные отщепы. Крупных пластин с ровными краями и параллельной огранкой единицы. Наиболее типичные крупные пластины выглядят как продолговатые сколы с двухгранной и сильно асимметричной дорсальной поверхностью (рис. 2.-2) и неровными краями. По площади одна из двух дорсальных граней может в 3–4 раза превосходить вторую. Обилие сколов такого рода указывает на то, что с плоскофронтальных нуклеусов скальвание производилось начиная с углового ребра и постепенно переходило на широкий фронт с постоянным сохранением ребра. Расщепление нуклеусов с плоским фронтом начиналось с естественного или специально подготовленного поперечными сколами угла между широким фронтом и латералью. Ударные площадки на нуклеусах подправлялись непосредственно в зоне снятия скола или оставались с естественной поверхностью. Одним из приемов расщепления была подготовка

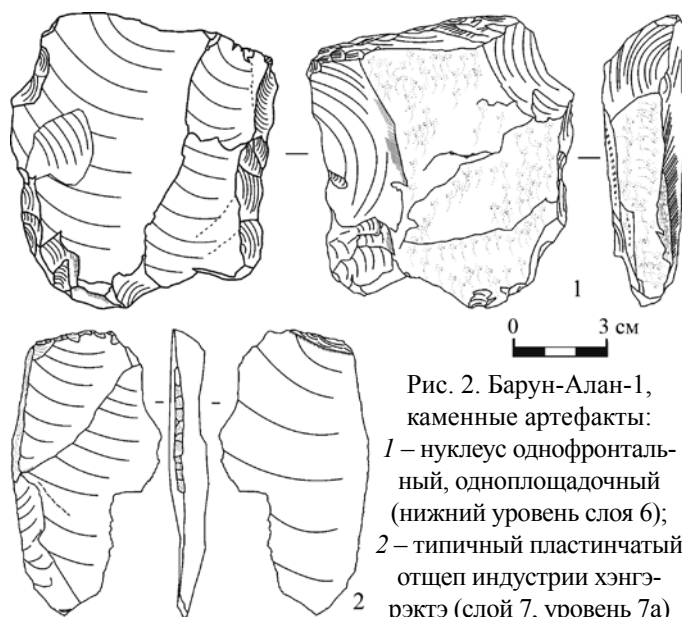

Рис. 2. Барун-Алан-1, каменные артефакты:
1 – нуклеус однофронтальный, одноплощадочный (нижний уровень слоя 6);
2 – типичный пластинчатый отщеп индустрии хэнгэ-рэкэ (слой 7, уровень 7а)

протяженной ударной площадки в зоне слабой выпуклости фронтальной поверхности или при отсутствии таковой, что и приводило в итоге при сильном ударе к образованию короткого по линии скальвания и широкого отщепа, пропорциями напоминающего пластину.

По мере уменьшения размерности пластинчатых сколов асимметрия их граней уменьшается. У микропластин и пластинок, образовавшихся в результате неудачных микропластинчатых снятий, т.е.

превышающих в ширину 7 мм, огранка в большинстве случаев типична для призматических сколов – ровная параллельная, но и среди пластинок с такими параметрами немало двухгранных с асимметричными гранями на дорсальной поверхности. Более 90% всех крупных отщепов, пластин и орудий типа бифасов в индустрии хэнгэрэктэ изготовлены из основного сырья – риолит-порфира, месторождение которого расположено рядом с вершиной горы Хэнгэрэктэ, на ее склонах и у подножия расположены все известные памятники с данной индустрией. Большая часть мелких сколов с размерными параметрами пластин, изготовленных из этого сырья, является отходами производства. Такая же картина наблюдается в индустрии Сухотино-4, где основное сырье – роговик, месторождение которого расположено выше по склону [Мороз, 2019].

Для целевого изготовления мелких пластин и микропластин в обеих индустриях использовалось «цветное» сырье – различные яшмоиды, кремни разного цвета. В Барун-Алане-1 обычным сырьем является халцедон, который встречается на склонах горы и в долине р. Алан вместе с базальтами.

Производство микропластин – одна из ярчайших черт индустрии Сухотино-4. В общей сложности во всех слоях Сухотино-4 насчитываются сотни клиновидных торцовых нуклеусов, заготовок таких нуклеусов и микропластинок, полученных в результате их расщепления. Основной способ создания преформ клиновидных нуклеусов в Сухотино-4 – это оббивка плоских округлых или овальных галек диаметром до 4–5 см с редкими вариациями в большую сторону. Высота готовых (утилизируемых) микронуклеусов – 2,5–3,5 см. Путем оббивки изготавливались бифасы и унифасы, на одном из узких концов которых оформлялась ударная площадка. В большинстве торцовые клиновидные нуклеусы были высокой формы, таковыми они изготавливались изначально (рис. 3.-1). Ударные площадки клиновидных нуклеусов Сухотино-4 оформлялись мелкими сколами со стороны одной из латералей, а затем подправлялись мелкими продольными сколами с торца. Ударные площадки, образованные одним сколом, редки и чаще всего встречаются в верхних слоях. Клиновидные нуклеусы других типов разнообразны, но немногочисленны.

В индустрии хэнгэрэктэ наблюдается полное соответствие клиновидных нуклеусов подобным артефактам из Сухотино-4 – мелкие (2,5–3,5 см по длинной оси), плоские и высокой формы изделия (рис. 3.-2, 3), но они единичны, как единичны и микропластины. Кроме этого, здесь пока не зафиксированы заготовки клиновидных нуклеусов.

Именно в связи с тем, что немногочисленный, но наиболее представительный материал, связанный с микропластинчатой индустрией, залегает в уровнях 7а, 7б и 7в слоя 7 Барун-Алана-1, а также в связи с тем, что на уровне 7б зафиксированы обломки бифасов, и принято решение пересмотреть мнение об их

Рис. 3. Торцовые клиновидные микронуклеусы: 1 – Сухотино-4 (фото В.И. Ташака); 2, 3 – Барун-Алан-1 (фото Ю.Е. Антоновой)

статусе. Ранее предполагалось, что артефакты этих уровней связаны с развитием материальной культуры слоя 7г, но имеют в своем составе примеси из слоя 6. Сопоставление материальной составляющей индустрии хэнгэрэктэ с артефактной базой Сухотино-4 демонстрирует их аналогичность. Что касается микроиндустрии, то и здесь наблюдается полное соответствие: острия на микропластинах с насадом; острия на микропластинах с загнутым жалом; долотовидные изделия из микронуклеусов; мелкие скребки различных форм. Процентное соотношение пластинчатых сколов по отношению к остальной массе артефактов соответствует таковому в индустрии хэнгэрэктэ. Таким образом, уровни 7а и 7б слоя 7 следует рассматривать в рамках индустрии хэнгэрэктэ, что снимает многие вопросы, возникавшие при интерпретации материалов слоя 7.

Орудия, выполненные в бифасиальной и унифасиальной технике обработки заготовок, на морфологическом уровне аналогичны в обеих индустриях и многочисленны. Наиболее типичными из таких орудий предстают различные ножи с обушками естественными

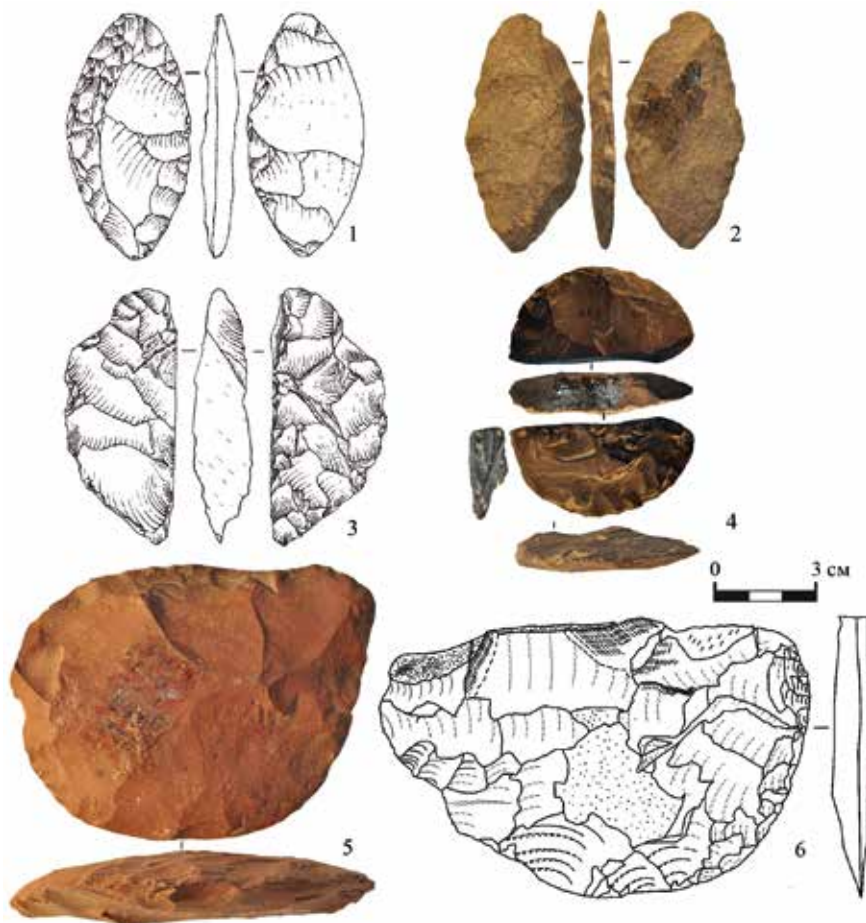

Рис. 4. Бифасиально обработанные орудия (1, 3, 6 – Барун-Алан-1; 2, 4, 5 – Сухотино-4):
1, 2 – бифасы с ретушированным обушком (эллипсоидные); 3 – бифас (нож)
сегментовидный; 4 – бифас (нож) сегментовидный, переоформленный в торцовый
нуклеус для микропластин; 5, 6 – крупные сегментовидные бифасы

(рис. 4.-3, 5, 6) и искусственными. Обушки оформлялись различными способами: ретушью (рис. 4.-1, 2); расщеплением крупного бифаса на части с последующей подправкой краев плоскости слома или без таковой (рис. 4.-4). Реже в группе бифасов и унифасов отмечаются скребла и листовидные острия, в том числе тонкие. В ходе работы с коллекциями каменных материалов Сухотино-4 при подготовке данной статьи учтено 118 целых и фрагментированных орудий с двумя обработанными поверхностями. Кроме них, некоторые бифасиальные орудия выставлены в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А.К. Кузнецова.

Таким образом, по всем основным параметрам индустрии хэнгэрэктэ и Сухотино-4 совпадают. Первичное расщепление для макро- и микроизделий, сами орудия и особенно орудия-бифасы можно рассматривать как идентичные. Разница только в количестве микропластин и нуклеусов для их производства: единицы в Барун-Алане-1 и сотни в Сухотино-4. Это можно объяснить, в частности, тем, что общая раскопанная площадь, с которой получены рассматриваемые артефакты, составляет 50 кв. м в Барун-Алане-1 и сотни квадратных метров в Сухотино-4.

В ходе полевых исследований Сухотино-4 в ряде культурных горизонтов обнаружены каменные конструкции с различными скоплениями артефактов и костей животных, интерпретированные как жилища [Кириллов, 2003; Черенщиков, 1998]. Раскопанный участок Барун-Алана-1 расположен непосредственно под скалой, что обусловило здесь серию каменных обвалов, вероятнее всего, вызванных землетрясениями. На расстоянии 8–10 м от подножия скалистого утеса слой 6 (особенно его нижний уровень) насыщен плотной массой скальных обломков, в которой выделить какие-либо искусственные структуры невозможно. На уровнях 7б и 7в слоя 7 найдены поврежденные конструкции с плоскими окатанными валунами, которые только предположительно могут рассматриваться как остатки очагов. Поэтому данные планиграфии двух местонахождений пока не могут привлекаться для сравнительных анализов.

Палеонтологические данные обоих поселений совпадают по основным таксонам и типичны для палеонтологического состава позднеплейстоценовых поселений Забайкалья. В Сухотино-4 встречаются кости лошади, бизона, горного барана, дзерена [Каспаров, 1986]. Аналогичный палеонтологический состав зафиксирован и в Барун-Алане-1. Совпадение основных промысловых животных в двух поселениях может предполагать и общность в стратегии жизнеобеспечения коллективов. Вместе с тем в Сухотино-4 значительно присутствие костей северного оленя (встречается от 1-го до 8-го слоев) и благородного оленя. В Барун-Алане-1 кости северного оленя не найдены, а кость благородного оленя зафиксирована только в уровне 7а слоя 7.

Хронология и территориальные корреляции

Исследователи Сухотино-4 указывают на залегание его материалов в слоях 2-й надпойменной террасы р. Ингода [Кириллов, 2003; Окладников, Кириллов, 1980; Черенщиков, 1998]. По следам криогенных процессов в отложениях террасы, содержащих археологические материалы, формирование культурных слоев было отнесено к эпохе сартанского похолодания. Первые радиоуглеродные даты, оцененные как противоречивые, дали значительный хронологический разброс: 11900±130 л.н. СОАН-841; 26110±200 л.н. СОАН-1138 [Окладников, Кириллов, 1980, с. 51], от финала каргинского интерстадиала до финала сартанского похолодания. Древняя дата получена для 3-го к.с. [Черенщиков, 1998, с. 23], но она указывала на возраст за пределами сартанского похолодания и потому была признана недостоверной. Таким образом, верх-

ная хронологическая граница функционирования многослойного поселения Сухотино-4 была определена финалом плейстоцена. Для слоев 6, 7, 8 были получены даты: 15820 ± 300 (ЛЕ-3652); 16810 ± 390 (ЛЕ-3647); 16870 ± 700 (ЛЕ-3653) соответственно [Лисицын, Свеженцев, 1997]. Суммированные данные радиоуглеродного датирования и стратиграфии позволили определить хронологические рамки функционирования поселения в диапазоне 11–22 тыс. л.н. [Черенщиков, 1998, с. 97].

В отличие от Сухотино-4, Барун-Алан-1 расположен на склоновой площадке, на высоте 80 м над поймой долины реки. Стратиграфические слои, в которых залегают все археологические материалы Барун-Алана-1, формировались в результате денудации склонов, обвалов скал и ветрового заноса мелких частиц, что делает невозможным поиск аналогий в стратиграфии двух местонахождений. Это обуславливает и невозможность относительного датирования Барун-Алана-1 с опорой на стратиграфию Сухотино-4.

Эволюция взглядов на возраст некоторых литологических слоев Барун-Алана-1 на основе радиоуглеродных данных, претерпевших значительные изменения, нашла отражение в нескольких публикациях. Первоначально возраст верхнего уровня слоя 7 определялся в пределах 40 000 лет на основании двух первых радиоуглеродных дат [Ташак, 2009]. Накопление базы данных по радиоуглеродному датированию показало ошибочность такого возраста и позволило создать уточненную хронологическую схему для Барун-Алана-1 [Ташак, 2019а]. Наиболее молодая радиоуглеродная дата в этой схеме – 13710 ± 50 л.н. (ТКа-17118) определяет верхнюю границу индустрии хэнгэрэктэ, что близко верхней хронологической границе Сухотино-4. Возраст уровня 7а слоя 7 определяется серией дат, близких к радиоуглеродной дате 15540 ± 60 л.н. (ТКа-17115), полученной по обломку рога дзерена, которые многочисленны в этом уровне. Уровень 7б мощностью 30–40 см содержит гумусированные прослойки с археологическими материалами, фиксируемые на отдельных участках и занимающие различные высотные позиции, которые, вероятнее всего, маркируют остатки поврежденных маломощных уровней обитания. Поэтому вполне приемлем хронологический диапазон накопления уровня 7б, определяемый датами 18680 ± 90 л.н. (ТКа-17116) и 22920 ± 140 (ТКа-17114). Анализируемые образцы, по которым получены древние даты, взяты из кровли уровня 7б и его контактной зоны с уровнем 7в. Возраст уровня 7б в целом совпадает с максимумом и ранним этапом сартанского похолодания и может быть сопоставлен с возрастом, теоретически предполагаемым для слоев 9–11 Сухотино-4 [Черенщиков, 1998, с. 97].

Культурный горизонт в подошве слоя 7, обозначенный как уровень 7в, датирован финалом каргинского интерстадиала [Ташак, 2019а] на основании серии радиоуглеродных дат. Наиболее молодая из этих дат приходится на границу между каргинским интерстадиалом и сартанским похолоданием. В целом материалы культурного горизонта 7в сопоставимы с материалами культуры хэнгэрэктэ, но, поскольку этот горизонт формировался непосредственно на поверхности слоя 7г, с одной стороны, и насыщен норными ходами, пронизывающими уровни 7а и 7б, с другой стороны, здесь наиболее выражено смешение материалов слоев 7 и 7г. В связи с этим вопрос о культурной принадлежности материалов уровня 7в остается открытым. При этом время его формирования определяется вполне конкретно: около 27 тыс. радиоуглеродных или 33 тыс. калиброванных лет назад. Индустрия слоя 7г, в которой значительную роль играет встречное биполярное скалывание, классическое леваллуазское расщепление (черепаховидные нуклеусы) и значительно большая доля пластин, существенно отличается от индустрии хэнгэрэктэ, поэтому не является предметом рассмотрения в настоящей статье.

В Западном Забайкалье в индустриях 2-й половины верхнего палеолита значительную роль играет производство микропластин, основанное на расщеплении торцовых клиновидных нуклеусов, что объединяет их в большую общность, но подходы к оформлению нуклеусов и методам поддержания их рабочей формы в процессе утилизации могут иметь значительные отличия. На основе таких отличий, дополненных другими параметрами, выделяются различные индустрии и археологические культуры.

В селенгинской финальнопалеолитической культуре, памятники которой расположены на юге Западного Забайкалья [Ташак, 2005а; Антонова, 2012], значительна роль производства микропластин, но ее сравнение с Барун-Аланом-1 и Сухотино-4 выявляет специфические черты, дающие возможность говорить о разных археологических культурах. Во всех местонахождениях селенгинской культуры не известны орудия бифасы и унифасы, как и крайне единична вентральная ретушь при оформлении орудий. В селенгинской культуре представительна роль орудий, изготовленных из крупных пластин с параллельной и субпараллельной огранкой, снятых с призматических нуклеусов. В индустриях хэнгэрэктэ и Сухотино-4 такие пластины редки сами по себе. Микропластинчатые нуклеусы селенгинской культуры в массе крупнее таковых из Сухотино-4 и Барун-Алана-1. Кроме этого, в Сухотино-4 и Барун-Алана-1 преобладающими преформами торцовых нуклеусов, с которых начиналось расщепление, были плоские мелкие бифасы, изготовленные из плоских окатанных галек. В селенгинской культуре такие бифасы отсутствуют в принципе, но отмечен один из способов подготовки торцовых нуклеусов, напоминающий сухотинский. В этом случае у слегка уплощенной, но массивной, в сравнении с сухотинскими, гальки оббивали бифасиально 2/3 поверхности с одного конца. В результате получался своеобразный бифас с массивным необработанным концом, который удалялся на этапе подготовки ударной площадки. Ведущей при оформлении торцовых нуклеусов в селенгинской культуре была техника изготовления из крупных продолговатых галек массивных изделий, напоминающих леваллуазские черепаховидные нуклеусы (селенгинская техника), которые в дальнейшем трансформировались в торцовые нуклеусы [Ташак, 2005а, с. 117–122]. Таким образом, особенности каждой индустрии существенны, что дает возможность вести речь о разных археологических культурах. Имеющиеся датировки селенгинской культуры, укладываемые в рамки 13–11 тыс. некалиброванных л.н., позволяют говорить о том, что эти культуры сосуществовали в самом финале плейстоцена. При этом пока нет данных об их сосуществовании на одной локальной территории.

Студеновская археологическая культура, выделенная М.В. Константиновым [1994] на юго-востоке Западного Забайкалья, имеет много общего с селенгинской культурой и поэтому входит в общность памятников с микропластинчатой индустрией, но является самостоятельной культурой по отношению к культуре Барун-Алана-1 и Сухотино-4. Однако следует заметить, что есть элементы, сближающие их. В культурных горизонтах памятников студеновской культуры обнаружены структуры (жилища) с каменными обкладками по периметру и очагами внутри них [Константинов, 2001], типичные для Сухотино-4. В стоянках селенгинской культуры пока известны похожие структуры без внешней обкладки [Ташак, 2005б].

Значительно больше сходства, на первый взгляд, наблюдается между индустриями Барун-Алана-1 и Сухотино-4 и чикойской культурой финального палеолита, выделенной на юге Западного Забайкалья по материалам местонахождения Аршан-Хундуй [Ташак, 2000; Антонова, 2011]. В каменной индустрии этой культуры крайне редки крупные пла-

стины, немногочисленны и пластинки, но ярко выражены микропластинчатое расщепление и его продукция – микропластины. Крупные орудия изготавливались на отщепках: округлых, подпрямоугольных и пр. В Аршан-Хундуе зафиксирована серия орудий-бифасов. Микропластины скалывались с торцовых клиновидных нуклеусов, которые без учета индивидуальных особенностей представляют два основных типа: высокой формы, с краевым оформлением ударной площадки, что типично для селенгинской культуры; и горизонтально удлиненные, изготовленные из крупных плоских бифасов. Второй тип нуклеусов оформлялся путем последовательных продольных снятий сколов с бифаса: первичный краевой (реберчатый) скол, далее лыжевидные пластины (с обушками по обоим краям), оформляющие гладкие ударные площадки. Такие нуклеусы полностью отсутствуют в селенгинской культуре. Согласно монографии А.П. Окладникова и И.И. Кириллова [1980, с. 45], в Сухотино-4 найдено большое количество лыжевидных пластин, полученных при «оживлении» клиновидных нуклеусов. Поскольку в книге дается характеристика индустрии первых слоев, информация актуальна именно для них. При этом в иллюстрациях лыжевидные пластины не отражены, не указаны они и в диссертации О.В. Черенщикова, т.е. в слоях 6–11 такой способ оформления нуклеусов не зафиксирован.

Лыжевидные пластины не обнаружены и в ходе работы с материалами в фондах Забайкальского университета. Небольшое количество нуклеусов с гладкой и короткой площадкой, происходящих из слоев 1–3, не позволяет считать распространенной технику оформления и подправки ударных площадок торцовых нуклеусов путем снятия лыжевидных пластин. Тем не менее подправка ударных площадок в Сухотино-4 со стороны торца – обычное явление. При этом на ударной площадке оставались следы мелких продолговатых сколов, нередко такие сколы были одинарными, оставляющими гладкую поверхность площадки: на коротком участке; до середины площадки или во всю длину короткой в глубину площадки. В Сухотино-4 обнаружен один четко выраженный горизонтально удлиненный торцовый клиновидный нуклеус, оформленный на бифасиально обработанном ноже с обушкой. Его преформа (нож с обушкой) образована простым поперечным рассечением (поломкой) крупного плоского бифаса, что типично для Сухотино-4 и Барун-Алана-1, но нуклеус из таких обломков, с размерами, близкими горизонтальным нуклеусам Аршан-Хундуя, единичен. Нуклеусы меньшей горизонтальной удлиненности с естественными или подработанными площадками присутствуют, но они немногочисленны.

Во всех местонахождениях финального палеолита Нижнего Витима (на северо-восток от Барун-Алана-1 и Сухотино-4) зафиксированы орудия-бифасы, среди которых, согласно опубликованным данным [Инешин, Тетенькин, 2006; 2010], обнаруживаются аналогии сухотинским и барун-аланским. Обычны там и различные клиновидные нуклеусы, изготовленные в том числе из бифасов [Тетенькин, 2013; 2016; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017], что сближает их индустрии с индустриями Барун-Алана-1 и Сухотино-4.

Заключение

Приведенные в статье обобщенные данные исследований показали, что индустрия Сухотино-4 на западе Восточного Забайкалья и индустрия хэнгэрэктэ, выделенная первоначально для НУС6 Барун-Алана-1 на востоке Западного Забайкалья, демонстрируют общность по многим признакам, а в ряде случаев и полную идентичность, например, при сравнительном анализе бифасиально обработанных орудий. Это позволяет говорить о культурной общности рассматриваемых индустрий. При выделении индустрии НУС6 Барун-Алана-1 было предложено рассматривать ее как отдельную

археологическую культуру с наименованием хэнгэрэктэ [Ташак, 2010]. В то же время новая археологическая культура оставалась ограниченной рамками одного местонахождения, что и ставило под сомнение правомерность ее выделения. Территориальная удаленность друг от друга двух местонахождений, типологически близких и хронологически совпадающих (Барун-Алан-1 расположен в 250 км почти строго на запад от Сухотино-4), позволяет говорить об обширном ареале распространения единой культуры. Индустрию хэнгэрэктэ уже было предложено рассматривать как культуру с выразительным бифасиальным компонентом в орудийном наборе, и это наименование можно было бы распространить на всю общность, но в Сухотино-4 представлены многообразные элементы, например, жилища с очагами, которые еще не изучены в Барун-Алане-1. Поэтому следует в названии археологической культуры отразить наименования двух индустрий – хэнгэрэктэ-сухотино. Широкое распространение на север и северо-восток от Барун-Алана-1 и Сухотино-4 в поздней стадии верхнего палеолита бифасиально обработанных орудий и сходных по технике подготовки и утилизации торцовых клиновидных нуклеусов указывает на определенную общность развития каменных индустрий на данной территории. Возрастные характеристики Сухотино-4, дополненные хронологическими данными Барун-Алана-1, позволяют говорить о существовании и развитии культуры в рамках всего сартанского похолодания. С учетом датирования уровня 7в слоя 7 Барун-Алана-1, в котором преобладают элементы индустрии хэнгэрэктэ, время становления и развития культуры может быть распространено на финал каргинского интерстадиала – до 30 тыс. л.н. Таким образом, индустрии хэнгэрэктэ и Сухотино-4 предстают древнейшими среди индустрий региона с похожими чертами развития.

Вопрос о происхождении культуры следует оставить открытым, поскольку ее взаимосвязи с толбагинской культурой раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья могут быть только умозрительными. В толбагинской культуре наблюдается массовое производство орудий на крупных пластинах и полное отсутствие бифасиально обработанных орудий (за исключением долотовидных изделий). С другой стороны – крайне редкое изготовление орудий на крупных пластинах и массовое изготовление орудий-бифасов, широкое применение унифасиальной обработки, многочисленные примеры микропластинчатой техники. В каменной индустрии связующие элементы для этих культур единичны и могут рассматриваться как случайные совпадения. Индустрия литологического слоя 7г Барун-Алана-1, залегающая ниже слоев с культурой хэнгэрэктэ-сухотино, имеет больше общих черт с толбагинской культурой, хотя и не идентична ей, поэтому предположение о перерастании индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 в индустрию верхних слоев тоже пока не имеет доказательной базы. Вопрос о происхождении культуры хэнгэрэктэ-сухотино под влиянием дюктайской культуры северо-востока Азии [Мочанов, 1977; 2007] также следует оставить открытым, поскольку древнейшие проявления этих культур сопоставимы по возрасту.

Весьма вероятно, что культура хэнгэрэктэ-сухотино в финале каргинского интерстадиала имела более обширный ареал распространения. Например, единичные бифасиальные изделия, типичные для нижних слоев Сухотино-4, зафиксированы на берегах Селенги в Усть-Кяхте-16 с радиоуглеродным возрастом около 27 тыс. л.н. [Ташак, 2005а, с. 77]. В материалах местонахождений селенгинской культуры финального палеолита такие изделия уже не встречаются, что может указывать на сокращение ранее обширного ареала культуры хэнгэрэктэ-сухотино или культурной общности, имеющей общие черты в каменной индустрии.

Библиографический список

Антонова Ю.Е. Аршан-Хундуй: финальнопалеолитическое местонахождение Западного Забайкалья в контексте материалов Северной и Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 13–19.

Антонова Ю.Е. Селенгинская индустрия в финале палеолита Западного Забайкалья (к вопросу о межкультурном взаимодействии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Т. 1. Улан-Батор : NUM Printing Department, 2012. С. 1–6.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 120–158.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.

Каспаров А.К. Остатки млекопитающих из позднепалеолитического поселения Сухотино-4 в Забайкалье // Труды Зоологического института АН СССР. 1986. №149. С. 98–106.

Кириллов И.И. Забайкальский палеолит в свете новых открытий // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск : Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1984. С. 46–48.

Кириллов И.И. Новые данные о поселении древнекаменного века Сухотино-4 из Восточного Забайкалья // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1986. С. 146–147.

Кириллов И.И. Палеолитические стоянки Сохатино (Титовская сопка) // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита : Управление издательств, типографии и книжной торговли Читинского облисполкома, 1973. Вып. 1. С. 168–183.

Кириллов И.И. Предметы изобразительного искусства палеолитического поселения Сохатино IV (Титовская сопка) // Звери в камне. Новосибирск : Наука, 1980. С. 239–246.

Кириллов И.И. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита : Поиск, 2003. С. 3–11.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит и мезолит). Новосибирск : Наука, 2001. 224 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита : Изд-во БНЦ СО РАН – Изд-во Читинского гос. пед. ин-та, 1994. 180 с.

Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб. : ИИМК РАН, 1997. С. 67–108.

Мороз П.В. Общий неутилитарный износ на сырье из Титовской Сопки: экспериментальные данные // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, №6. С. 46–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-46-56.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.

Мочанов Ю.А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск : Изд-во Академии наук Республики Саха (Якутия), 2007. 200 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Ташак В.И. Археологическое местонахождение Слоистая Скала в Западном Забайкалье: новые данные о культуре хэнгэрэктэ // Теория и практика археологических исследований. 2019а. №2 (26). С. 35–46. DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-03.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во Уссурийского гос. пед. ин-та, 2011. С. 130–140.

Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 8. С. 234–241.

Ташак В.И. Местонахождение Аршан-Хундуй: (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. Вып. 2, ч. 1. Иркутск : Иркутский гос. пед. ун-т, 2000. С. 161–180.

Ташак В.И. Новые исследования по хронологии Барун-Алана-1 (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019б. Т. 15. №1. С. 9–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-9-19>.

Ташак В.И. Палеолитическая культура хэнгэрэктэ в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2013. Ч. 1. С. 196–201.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005а. 130 с.

Ташак В.И. Палеолитические материалы древнего поселения Хэнгэр-Тын-3 «Святылище» // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. С. 41–55.

Ташак В.И. Пластины в индустрии слоя 7г палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Теория и практика археологических исследований. 2018а. №4(24). С. 39–54.

Ташак В.И. Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3. С. 53–62.

Ташак В.И. Техника леваллуа в палеолите Забайкалья // STRATUM plus. 2018б. №1. С. 327–338.

Тетьнин А.В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. №1. С. 265–314.

Тетьнин А.В. Проблема культурной вариабельности археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №2 (22). С. 104–107.

Тетьнин А.В., Анри А., Клементьев А.М. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6-го культурного горизонта // Археологические вести. 2017. №23. С. 33–55.

Черенщиков О.Ю. Костяной инвентарь и предметы искусства из многослойного поселения Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1985. С. 15–16.

Черенщиков О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в палеолите Северной Азии : дис. ... канд. ист. наук. Чита : [Б.и.], 1998. 215 с.

Referens

Antonova Yu.E. Arshan-Hunduj: final'nopaleoliticheskoe mestonahozhdenie Zapadnogo Zabajkal'ya v kontekste materialov Severnoj i Vostochnoj Azii [Arshan-Khundui: the Final Paleolithic Site of the Western Transbaikalia in the Context of Materials from North and East Asia]. Drevnie kultury Mongolii i Bajkalskoj Sibiri [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2011. Is. 2. Pp. 13–19.

Antonova Yu.E. Selenginskaya industriya v finale paleolita Zapadnogo Zabajkal'ya (k voprosu o mezhkul'turnom vzaimodejstvii) [Selenga Industry at the Final Stage of the Palaeolithic in the Western Transbaikalia (to the question of intercultural relationship)]. Drevnie kultury Mongolii i Bajkalskoj Sibiri. T. 1 [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia Vol. 1]. Ulanbaatar : NUM Printing Department, 2012. Pp. 1–6.

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. Kamennyj i kostyanoi inventar' kul'turnyh gorizontov arheologicheskogo mestonahozhdeniya Bol'shoj Yakor' I: syuzhety morfologicheskoj i funkcional'noj karakteristiti [Stone and Bone Implements of the Cultural Horizons of Site Bol'shoi Yakor' I: Cases of Morphological and Functional Definition]. Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2006. Vol. 4. Pp. 120–158.

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. Chelovek i prirodna sreda severa Bajkalskoj Sibiri v pozdnem plejstotsene. Mestonahozhdenie Bolshoi Yakor' I [Human and Environment of the North of Baikal Siberia in the Late Pleistocene. Archaeological site Bolshoi Yakor I]. Novosibirsk : Nauka, 2010. 270 p.

Kasparov A.K. Ostatki mlekopitavshchih iz pozdnepaleoliticheskogo poseleniya Suhotino-4 v Zabajkal'e [Mammalian Remains from Late Upper Palaeolithic Settlement Sukhotino-4 in Transbaikalia]. Trudy zoologicheskogo instituta AN SSSR [Proceedings of the Zoological Institute of AS USSR]. 1986. N149. Pp. 98–106.

Kirillov I.I. Zabajkal'skij paleolit v svete novyh otkrytij [Transbaikalian Palaeolithic Age in the Light of New Discoveries]. Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii [The Research Problems of the Eurasian stone Age]. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. in-ta, 1984. Pp. 46–48.

Kirillov I.I. Novye dannye o poselenii drevnekamennogo veka Suhotino-4 iz Vostochnogo Zabajkal'ya [New Data about the Settlement of Ancient Stone Age Sukhotino-4 from Eastern Transbaikalia]. Pamyatniki drevnih kultur Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Sites of the Ancient Cultures in Siberia and Far East]. Novosibirsk : Institut istorii, filologii i filosofii SO RAN SSSR, 1986. Pp. 146–147.

Kirillov I.I. Paleoliticheskie stoyanki Sohatino (Titovskaya sopka) [Palaeolithic Sites of the Sokhatino (Titovskaya Mountain)]. *Voprosy kraevedeniya Zabajkal'ya* [The Questions of the Local Studies]. Chita : Upravlenie izdatel'stv, tipografii i knizhnoi torgovli Chitinskogo oblispolkoma, 1973. Is. 1. Pp. 168–183.

Kirillov I.I. Predmety izobrazitel'nogo iskusstva paleoliticheskogo poseleniya Sohatino IV (Titovskaya sopka) [The Items of Artwork from the Palaeolithic Settlement Sokhatino IV (Titovskaya Mountain)]. *Zveri v kamne* [Animals in Stone]. Novosibirsk : Nauka, 1980. Pp. 239–246.

Kirillov I.I. Hozyajstvenno-bytovye komplekсы i nekotorye grupy artefaktov kak svidel'stva razvitiya duhovnoj kul'tury i zarozhdeniya nauchnih znaniy v pozdnem paleolite (na primere mnogoslojnogo poseleniya Suhotino-4) [Household Units and Some Groups of Artifacts as Evidences of the Spiritual Culture Development and the Inception of the Scientific Knowledge in the Late Palaeolithic (on the example of the multilayered settlement Sukhotino-4)]. *Kul'turno-istoricheskie formy povedeniya cheloveka* [Cultural and Historical Forms of Human Behavior]. Chita : Poisk, 2003. Pp. 3–11.

Konstantinov A.V. Drevnie zhilishcha Zabajkal'ya: (Paleolit, mezolit) [Ancient Dwellings of Transbaikalia: (Paleolithic, Mesolithic)]. Novosibirsk : Nauka, 2001. 224 p.

Konstantinov M.V. Kamennyj vek vostochnogo regiona Bajkal'skoj Azii [The Stone Age of the Eastern Baikal Region]. Ulan-Ude; CHita : Izd-vo BNC SO RAN – Izd-vo Chitinskogo gos. ped. in-ta, 1994. 180 p.

Lisicsyn N.F., Svezhecev Yu.S. Radiouglerodnaya hronologiya verhnego paleolita Severnoj Azii [Radiocarbon Chronology of the Upper Palaeolithic of the Northern Asia]. *Radiouglerodnaya hronologiya paleolita Vostochnoj Evropy i Severnoj Azii. Problemy i perspektivy* [Radiocarbon Chronology of the Palaeolithic of the Eastern Europe and Northern Asia. Problems and Prospects]. SPb. : IIMK RAN, 1997. Pp. 67–108.

Moroz P.V. Obschij neutilitarnyj iznos na syr'oz iz Titovskoj Sopki: eksperimental'nye dannye [General Non-Utilitarian Wear on the Raw Materials from Titovskaya Sopka: Experimental Data]. *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian Vector]. 2019. Vol. 14, N 6. Pp. 46–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-46-56.

Mochanov Yu.A. Drevnejshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoj Azii [The Earliest Stages of the Settlement of Man by Northeast Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1977. 264 p.

Mochanov Yu.A. Dyuktajskaya bifasial'naya tradiciya paleolita Severnoj Azii (istoriya ee vydeleniya i izucheniya) [The Duktai Bifacial Tradition of the Paleolithic of North Asia (the history of its determining and study)]. Yakutsk : Izd-vo Akademii nauk Respubliki Saha (Yakutiya), 2007, 200 p.

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. Yugo-Vostochnoe Zabajkal'e v epohu kamnya i rannej bronzy [South-Eastern Transbaikalia in Stone Age and Early Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 278 p.

Tashak V.I. Arheologicheskoe mestonahozhdenie Sloistaya Skala v Zapadnom Zabajkal'e: novye dannye o kul'ture Hengerekte [Archaeological Site Sloistaya Skala in the Western Transbaikalia: New Data on the Khengerekte Culture]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019a. №2 (26). C. 35–46. DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-03.

Tashak V.I. Bifasialnye izdeliya v paleolite Zabajkal'ya [Bifacial Tools in Paleolithic of Transbaikalia]. *Aktualnye problemy arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Topical Problems of Siberian and Far East Archaeology]. Ussurijsk : Izd-vo Ussurijskogo gos. ped. in-ta, 2011. Pp. 130–140.

Tashak V.I. K obosnovaniyu novoji arheologicheskoi kul'tury v verhnem paleolite Zabajkal'ya [To the Grounds of New Archaeological Culture in Upper Paleolithic of Zabaikalie]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Buryat State University Bulletin]. 2010. Vol. 8. Pp. 234–241.

Tashak V.I. Mestonahozhdenie Arshan-Hunduj [Arshan-Khundui Site]. *Bajkalskaya Sibir' v drevnosti*. Vyp. 2, ch. 1 [Baikal Siberia in Ancient Times. Is. 2, Vol. 1]. Irkutsk : Irkutskij gos. ped. un-t, 2000. Pp. 161–180.

Tashak V.I. Novye issledovaniya po hronologii Barun-Alana-1 (Respublika Buryatiya) [New Research on Chronology of Barun-Alan-1 site (the Republic of Buryatia)]. *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. 2019b. Vol. 15, No. 1. Pp. 9–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-9-19>.

Tashak V.I. Paleoliticheskaya kul'tura hengerekte v Zabajkal'e [Palaeolithic Culture Hengerekte in Transbaikalia]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkalskoj Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikalian Siberia]. Chita : Izd-vo ZabGU, 2013. Vol. 1. Pp. 196–201.

Tashak V.I. Paleoliticheskie i mezoliticheskie pamyatniki Ust'-Kyahty [Paleolithic and Mesolithic Sites of Ust-Kyakhta]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN, 2005a. 130 p.

Tashak V.I. Paleoliticheskie materialy drevnego poseleniya Henger-Tyn-3 «Svyatilishche» [Paleolithic Materials of the Ancient Settlement Khenger-Tyn-3 «Svyatilishche»]. *Paleoliticheskie kul'tury Zabajkal'ya*

i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy [Palaeolithic Cultures of Transbaikalia and Mongoliya (new sites, methods, gipotesis)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005b. Pp. 41–55.

Tashak V.I. Plastiny v industrii sloya 7g paleoliticheskogo mestonahozhdeniya Barun-Alan-1 v Zapadnom Zabajkal'e [The Blades in the Industry of Layer 7g of the Paleolithic Site Barun-Alan-1 in Transbaikalia]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018a. №4(24). Pp. 39–54.

Tashak V.I. Stratigrafiya i hronologiya paleoliticheskikh pamyatnikov gory Hengerekte (Zapadnoe Zabajkal'e) [Stratigraphy and Chronology of Khengerekte Mountain's Paleolithic Sites (Western Transbaikalia)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [The Bulletin of Novosibirsk State University. Series History and Philology]. 2009. Vol. 8, Is. 3. Pp. 53–62.

Tashak V.I. Tehnika levallua v paleolite Zabajkal'ya [Levallois Technique in the Paleolithic of Transbaikalia]. STRATUM plus. 2018b. №1. Pp. 327–338.

Tetenkin A.V. Mnogoslojnyj pamyatnik Kovrizhka III na Nizhnem Vitime [Multilayered site Kovrizhka III on the Lower Vitim]. Stratum plus. 2016. Is. 1. Pp. 265–315.

Tetenkin A.V. Problema kul'turnoj variabel'nosti arheologicheskikh kompleksov final'nogo plejstocena – rannego golocena Nizhnego Vitima [The Problem of Cultural Variability of the Archaeological Assemblages of Final Pleistocene on the Lower Vitim]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]. 2013. №2 (22). Pp. 104–107.

Tetenkin A.V., Anry A., Klement'ev A.M. Kovrizhka IV: pozdnepaleoliticheskij kompleks 6-go kul'turnogo gorizonta [Kovrizhka IV: Upper Paleolithic Complex of the 6th Cultural Horizon]. Arheologicheskie vesti [Archaeological News]. 2017. Is. 23. Pp. 33–55.

Cherenshchikov O.Yu. Kostyanoj inventar' i predmety iskusstva iz mnogoslojnogo poseleniya Suhotino-4 (Vostochnoe Zabajkal'e) [Bone Toolkit and Art Items from Multilayered Settlement Sukhotino-4 (Eastern Transbaikalia)]. Problemy arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Problems of the Archaeology of Siberia and Far East]. Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo gos. un-ta, 1985. Pp. 15–16.

Cherenshchikov O.Yu. Nizhnij kompleks mnogoslojnogo poseleniya Suhotino-4 i ego mesto v paleolite Severnoj Azii : dis. ... kand. ist. nauk [The Lower Complex of the Multilayered Settlement Sukhotino-4 and its Place in the Paleolithic of North Asia: Thesis of Candidate of Historical Sciences]. Chita : [B.i.], 1998. 215 p.

V.I. Tashak

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of Siberian Branch of Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia*

ARCHAEOLOGICAL CULTURE WITH BIFACES IN THE UPPER PALAEOLITHIC OF TRANSBAIKALIA

On the base of the results obtained during the research at the archaeological site Barun-Alan-1 in the east of Western Transbaikalia, the industry distinctive from the earlier-known industries of Palaeolithic sites in this region was recognized. This industry became the base for the distinguishing of the new archaeological culture with the name of Khengerectae. However, the culture included materials only from one site. The question of the culture's territorial distribution was open. The discovering in 2015 of a new archaeological site with the Palaeolithic materials similar to Khengerectae industry did not solve the problem because both sites are situated in 500 m from one another. A truly change of the view on the Khengerectae culture spatial coverage became possible after the comparative investigations of the materials from Khengerectae culture and the Palaeolithic site Sukhotino-4, which is located in 250 km to the east from Barun-Alan-1 (Chita city suburb, west off the Eastern Transbaikalia). Based on the investigation, we identify the a great degree of similarity between Khengerectae and Sukhotino-4 materials, the sites show the identity in a set of characteristics. The most pronounced feature in two industries is the manufacturing of bifaces as tools. The investigations show that these industries developed synchronously at the Sartan glaciation (MIS2). Resulting from their similarity it is proposed to consider them in the frame of one culture with a new name Khengerectae-Sukhotino.

Key words: Upper Palaeolithic, stone industry, archaeological culture, archaeological site, Western Transbaikal, Eastern Transbaikalia